

УДК 94 (47)
DOI: 10.17223/19988613/72/20

В.Н. Кудряшев

М.Н. КАТКОВ И В.П. МЕЩЕРСКИЙ: АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ВАРИАНТЫ ПОДХОДА К «ЕВРЕЙСКОМУ ВОПРОСУ» В РУССКОЙ КОНСЕРВАТИВНОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Рассматривается одна из острейших проблем межнациональных отношений Российской империи – «еврейский вопрос». Автор акцентирует внимание на различии в позициях видных публицистов и издателей М.Н. Каткова и В.П. Мещерского как выразителей мнения консервативного крыла русской общественной мысли. М.Н. Катков выступал за постепенную интеграцию евреев в русское общество. Последовательный антисемит В.П. Мещерский настаивал на тезисе, что «еврейский вопрос» является еврейской угрозой самому существованию Российского государства.

Ключевые слова: еврейский вопрос; черта оседлости; еврейские погромы; антисемитизм.

Традиционно консервативное направление общественной мысли России воспринималось как оплот антисемитизма. Но на деле диапазон мнений по этой проблеме был весьма значителен. В этой связи особый интерес представляет исследование взглядов на «еврейский вопрос» двух виднейших представителей русского консерватизма, длительное время возглавлявших периодические издания, бывшие рупором данного направления, – М.Н. Каткова («Московские ведомости») и В.П. Мещерского («Гражданин»).

М.Н. Катков ставил под сомнение целесообразность и эффективность сохранения черты оседлости для евреев. Ограничения на проживание евреев привели к ухудшению социальной и демографической ситуации в западных и юго-западных губерниях России, где они сконцентрировались в городах, занимаясь коммерцией и ростовщичеством [1. С. 93]. Он считал, что основным вариантом освобождения от ограничений для евреев стало получение высшего образования, что неизбежно привело к их засилью в среде студенчества и интеллигенции и потребует искусственного ограничения уже в этой сфере. Поэтому М.Н. Катков предлагал заранее подумать о предотвращении подобной ситуации. Чтобы не вводить новые ограничения для евреев, может быть, стоило отказаться от старых и канализировать активность евреев в направлении, нужном российскому государству [Там же. С. 94]. То есть М.Н. Катков предвидел данную тенденцию задолго до того, как в русской прессе проблема еврейского засилья в сфере умственного труда стала наиболее осуждаемой.

М.Н. Катков задавался вопросом: почему евреи, считавшиеся российскими гражданами, когда речь шла о повинностях в его пользу (платили налоги, служили в армии), были лишены элементарных прав, в том числе важнейшего – права выбора места проживания [Там же. С. 698].

Правительственная политика в отношении евреев, по мнению М.Н. Каткова, фактически нарушала один из основополагающих принципов русской государственности – ее исключительно православный характер. Данный принцип требовал от государства покровительства только православной церкви, признавая право на

исповедание других религий народами, проживавшими в Российской империи [Там же. С. 820]. Но на практике государство не только законодательно закрепляло и поддерживало особую религиозную организацию евреев, препятствуя их интеграции в российское общество, но и брало на себя обязательство по надзору за кагальной системой. Более того, назначая раввинов, государство становилось стороной в разрешении еврейских внутриобщинных споров. В результате возникала разнонаправленная угроза – либо нарушения свободы совести как итог вмешательства государства в религиозные дела иноверцев, либо закрепления за иудаизмом характера признаваемого государством национального вероисповедания, т.е. статуса, имевшегося в России только у православия [Там же. С. 818–819].

Комментируя распоряжение начальника Северо-Западного края о ликвидации кагальной организации еврейских общин в крае, М.Н. Катков не скрывал своего удовлетворения и выражал надежду, что это событие станет поворотным пунктом в еврейской политике правительства. М.Н. Катков видел в подобных мерах не национально-религиозную дискриминацию, а устранение причин изоляции евреев от русского общества. Но подобные меры, в его восприятии, должны были сопровождаться уравниванием евреев в правах с остальным населением империи.

М.Н. Катков считал, что многие из приписываемых евреям недостатков являлись результатом проявления не их национальных качеств, а условий, в которых они находились. Это касалось систематического нарушения законов, нелегальных занятий (контрабанда). Он не сомневался в избавлении евреев от многих негативных явлений в случае снятия с них ограничений. Кроме того, многие обвинения публицист считал результатом недобросовестной конкуренции со стороны русских купцов и предпринимателей. Наоборот, предоставление евреям прав, которыми пользовались другие подданные империи, привело бы к росту здоровой конкуренции в ремесле и торговле и было бы выгодно для массы потребителей [2. С. 252–253].

Главной проблемой М.Н. Катков считал сохранение косности и невежества среди еврейских низов,

поскольку в сложившихся условиях отмена черты оседлости привела бы к распространению замкнутых еврейских общин по всей России, а не к интеграции евреев в русское общество [2. С. 408–409].

Говоря о необходимости развития народного образования среди евреев, М.Н. Катков имел в виду его осуществление через систему государственного образования. Он был противником создания специальных еврейских государственных образовательных учреждений, считая, что они, скорее, способствовали поддержанию еврейской изоляции. Он также был против сохранения еврейских национальных школ, видя в них рассадник еврейского религиозного традиционализма. Закрытие обоих видов школ он рассматривал как добрый знак начала распространения на евреев светского образования, которое позволит простым евреям легче интегрироваться в российское общество [3. С. 246–247].

Рассуждая о стремлении евреев к получению высшего образования, М.Н. Катков не рассматривал тенденцию к увеличению количества евреев в школах и университетах как угрозу, но считал, что следовало сосредоточить усилия на начальном образовании для большинства евреев. Получившие высшее образование евреи, как правило, отрывались от своего народа и не способствовали в должной мере ликвидации его замкнутости.

Указывая на слабое знание евреями русского языка, М.Н. Катков отмечал две основные причины подобной ситуации. Изоляция евреев от остального русского общества, поддерживаемая не только их этно-религиозной замкнутостью, но и русскими законами, привела к тому, что большая часть простых евреев в обыденной жизни обходится еврейским языком, общаясь между собой. Ограничения в передвижении и возможности трудовых занятий не стимулировали изучение русского языка. Таким образом, политика правительства по отношению к евреям препятствовала распространению русского языка среди двух миллионов евреев. Между тем этот народ умел приспосабливаться к проживанию в разных странах, среди разных народов, свободно овладевая языком страны проживания и становясь добрососедственными и полезными гражданами. Следовательно, российское законодательство о евреях препятствовало формированию единства государства [2. С. 119–120].

М.Н. Катков отказывался видеть в еврейских погромах проявление народного гнева против кулаков и шинкарей, грабивших и спаивавших народ, как это трактуют многие издания. По его мнению, нужно было искать корни негативных явлений (пьянства, нищеты), а не обвинять евреев в то время, когда таким же промыслом занимаются представители других народов. Местная власть вместо решительной борьбы с подобными явлениями часто шла на поводу настроений части населения и совершала акты административного произвола, показательно наказывая евреев, вплоть до высылки [4. С. 159–160]. Публицист видел в погромах прежде всего политическую подоплеку, поскольку удар наносился не по евреям, а по еврейской собственности. Это, по его мнению, стало следствием пропаганды революционеров, умело спланировавших и направивших гнев народа [5. С. 216–217].

М.Н. Катков с неудовольствием отмечал подымающуюся в России и Европе волну публичного обсуждения вопроса о переселении евреев из России. Он считал, что это не более чем очередная кампания, начатая в прессе различными политическими силами не для помощи евреям, а для решения собственных политических задач. Те же, кто думает о необходимости решения еврейского вопроса в России, должны сосредоточиться на мерах по преодолению последствий погромов [4. С. 193–194].

М.Н. Катков видел в еврейских погромах еще одно доказательство неверности политики ограничений прав евреев. Планы переселения евреев из России в Америку или Палестину выглядели для него утопично. Публицист писал об исторической неизбежности совместного проживания русских и евреев в рамках одного государства, поэтому евреев следовало воспринимать как российских подданных. Сохранение же неравноправия подданных наносило ущерб государственному единству. Первым шагом интеграции евреев в русское общество М.Н. Катков называл отмену всех дискриминационных мер [Там же. С. 195]. Таким образом, М.Н. Катков являлся одним из самых настойчивых и последовательных противников еврейской дискриминации и десятилетиями боролся за отмену антиеврейских законов.

С данной позицией контрастировали взгляды В.П. Мещерского, видевшего сущность еврейского вопроса не только в религиозной, культурной отчужденности евреев от всего русского, но прежде всего в еврейском засилье во всех сферах российской жизни, причиной которого были упадок и разложение самого русского общества [6. С. 2]. Публицист связывал подобную трансформацию еврейского вопроса с либерализацией России. Вместе с чуждыми идеями, культурными ценностями, вместе с либерализмом и нигилизмом «в Россию пришел жид» [Там же. С. 4]. Евреи столетиями жили в России, но в условиях сильной и жесткой государственной власти их участие в жизни русского общества было минимальным. Отречение от власти, религиозности, семейных ценностей привело к их вытеснению европейскими образчиками, носителями и проповедниками которых выступали евреи.

В работах В.П. Мещерского и в консервативных изданиях в 1880-е гг. евреи прочно заняли место главного внутреннего врага, вытеснив поляков. Теперь они рассматривались как основные проводники «вредоносного» влияния Запада и носители проникавших оттуда идей либерализма и нигилизма. «Гражданин» одним из первых изданий стал регулярно писать о евреях как главной опоре социалистического движения в России.

Главным противником русского государства В.П. Мещерский считал не еврейский народ, а еврейскую интеллигенцию. Большинство же евреев – это масса неграмотных людей, для которых актуальна не проблема равноправия, а проблема каждодневного выживания [7. С. 1].

Консерватор сомневался в эффективности ограничения проживания евреев как средства борьбы с еврейским влиянием. Еврей-ремесленник не будет более вреден в Смоленске, чем в Вильно. Сами по себе представители еврейских низов не представляют индивидуальной угрозы, но, будучи исполнителями воли ка-

гала, осознанно направлявшего деятельность еврейской массы в нужном для себя русле, они становятся угрозой для русского государства [8. № 75. С. 3].

В.П. Мещерский отмечал, что формат обсуждения еврейского вопроса, который не сходит со страниц российской печати, навязан еврейской интеллигенцией, потому что постоянный возврат к проблеме ужасающего положения и бесправия необразованной массы евреев на западе и юго-западе России, погромов усиливает их влияние на русское общество. Тем самым отвлекается внимание правительства от истинного еврейского вопроса, «самого опасного и самого вредного для России в форме еврея интеллигента», проникшего во все сферы русского общества и умело манипулировавшего русской публикой в качестве своих защитников: «Вот почему еврейский вопрос, когда я закрываю глаза, является мне всегда в виде русских людей» [9. № 219. С. 3]. Любая критика евреев вызывала мгновенную дружную реакцию со стороны либеральной прессы, искусственно раздувавшей еврейскую проблему и делавшей критиков врагами прогресса [6. С. 3].

Проблема преодоления еврейского засилья заключалась не столько в самих еврейях, сколько в общественной атмосфере, создававшейся их защитниками из среды русской интеллигенции. Они затрудняли использование законных средств, препятствовали деятельности правительства. Поэтому, подчеркивал публицист, без изменения отношения русской общественности к еврейской угрозе решить проблему было невозможно [8. № 78. С. 3].

Еврейская интеллигенция за последние три десятилетия оккупировала не только сферу интеллектуальной деятельности, но и государственные учреждения. Именно ее представители постоянно поднимали проблему еврейской дискриминации и бедственного положения евреев в России. На самом деле, писал публицист, судьба соплеменников занимала их мало, но проблема использовалась как рычаг давления на русское государство с целью его максимального ослабления [7. С. 1].

Публицист считал, что у России осталось совсем немного времени для осознания истинных масштабов еврейской угрозы и предотвращения окончательной победы евреев, как это уже случилось во многих государствах Европы. Поэтому, не отказываясь от улучшения жизни евреев, необходимо прекратить их доступ в гимназии и университеты: «Жизнь имеет много сторон других, где еврей может быть и терпим и полезен» [8. № 76. С. 3].

В.П. Мещерский считал доказанным пагубное воздействие евреев на творческий потенциал русского народа. Он обращал внимание читателей на очевидное совпадение появления целой генерации талантливых евреев в музыке, литературе и одновременного исчезновения русских талантов: «Это не случайное явление, еврею, чтобы царить, нужно ставить свой трон на кладбище русского духа». Но евреи не просто вытесняли русских из интеллектуальной среды, они производили замену идейных и духовных основ. В итоге пришли в упадок идеи и начала патриотизма, «начала русского исторического завета» [Там же. № 77. С. 3]. Им на смену пришли начала космополитизма, атеизма,

возобладавшие в русском общественном сознании, образовании, воспроизводя интеллектуальную элиту, зараженную либерализмом и нигилизмом.

Тональность обсуждения еврейского вопроса у В.П. Мещерского разительно отличалась от рассмотрения других национальных проблем. Существование польского, немецкого вопросов как национальных он отрицал: они могли быть только предметом внутренней политики и решаться административными методами. Еврейская же проблема приобретала масштабы национального бедствия, бороться с которым должен весь русский народ, сплотившийся в нацию.

Еврейскую экспансию В.П. Мещерский представлял как глобальную проблему, демонстрируя схожесть развития процессов в разных странах. Например, Северо-Американские Штаты открыли свободный въезд эмигрантам-евреям. В результате за десятилетие их доля в населении выросла с 1/20 до 1/10. Так же, как и в Европе, евреи стремятся монополизировать финансовую сферу, торговлю и средства массовой информации [Там же. № 74. С. 2–3].

Несмотря на то, что в «Гражданине» публиковались материалы о всемирном еврейском заговоре с целью захвата мира, сам В.П. Мещерский считал евреев, скорее, наиболее активными проводниками либерализма. То есть еврейская угроза виделась ему не как захват мира еврейским народом, а как всемирная либерализация, главной ударной силой которой была еврейская интеллигенция [10. 1897. № 5. С. 19–22]. Но в процессе либерализации она так же порывала с иудаизмом, как европейская с христианством. «Интеллигентированные» евреи отрывались от кагала и легко принимали христианство или атеизм для карьерного роста или получения прибыли. Поэтому результатом либерализации был упадок религиозности во всех конфессиях. Исходя из этой логики, иудаизм как основа мирового еврейского сообщества также страдал от либерализации.

Итак, позиции двух видных представителей русского консерватизма второй половины XIX в. по отношению к целому комплексу этнических, религиозных, социально-политических и экономических проблем российского общества, которые составляли сущность «еврейского вопроса», серьезно расходились.

М.Н. Катков попытался предложить формат политического единства многонационального государства, совмещенный с этноконфессиональной опорой на русскую национальность. Господствовавшая православная вера не исключала наличия других конфессий. Государственным языком был язык преобладавшей нации, но сохранялось языковое многообразие на культурно-бытовом уровне. Главной силой, обеспечивавшей единство этого полиэтнического сообщества, было государство, гарантировавшее единое подданство. Именно государство в российской истории всегда являлось мобилизующей и направляющей силой, обеспечивавшей развитие, часто вопреки обществу, выступавшему «оборонительной силой». Реализация данных принципов национальной политики требовала постепенной, но неуклонной интеграции евреев в русское имперское сообщество посредством отмены ограниче-

ний, уравнивания в правах с другими народами при условии их лояльности государственной власти.

Очевидно контрастирует с данной позицией анти-семитизм В.П. Мещерского. Именно в его трактовке еврейский вопрос обрел значение еврейской угрозы не

только национальному здоровью русских, но и самому существованию Российского государства. Главным врагом стала еврейская интеллигенция как носитель вредоносных нигилистских идей, направленных против духовных и государственных основ России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Передовые статьи из Московских Ведомостей за 1864 г. М. : Изд. С.П. Катковой, 1897. [2], VIII, 841 с.
2. Передовые статьи из Московских Ведомостей за 1865 г. М. : Изд. С.П. Катковой, 1897. [2], VI, 841 с.
3. Передовые статьи из Московских Ведомостей за 1873 г. М. : Изд. С.П. Катковой, 1897. [1], VIII, 938 с.
4. Передовые статьи из Московских Ведомостей за 1882 г. М. : Изд. С.П. Катковой, 1898. [2], VI, 688 с.
5. Передовые статьи из Московских Ведомостей за 1881 г. М. : Изд. С.П. Катковой, 1898. [2], VI, 632 с.
6. Мещерский В.П. Письмо издателю «Нового времени» о евреях // Гражданин. 1886. 5 июня. № 45. С. 2–4.
7. Мещерский В.П. Разговор с жидом // Гражданин. 1888. 26 июля. № 206. С. 1.
8. Мещерский В.П. Дневник // Гражданин. 1894.
9. Мещерский В.П. Дневник // Гражданин. 1892.
10. Мещерский В.П. Дневник // Гражданин. 1897.

Viacheslav N. Kudriashev, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kvn1801962@yandex.ru

M. KATKOV AND V. MESCHERSKY: ALTERNATIVE OPTIONS TO THE “JEWISH QUESTION” IN THE RUSSIAN CONSERVATIVE PUBLICISM OF THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

Keywords: Jewish question; the Pale of Settlement; Jewish pogroms; anti-Semitism.

The article considers one of the most acute problems of interethnic relations of the Russian Empire - the "Jewish question". The author focuses on the views of prominent publicists and publishers M. Katkov and V. Meshchersky as spokesmen for the views of the conservative wing of Russian social thought.

The author notes that M. Katkov has always opposed restrictive administrative measures in solving national problems. He saw in the Jewish pogroms yet another proof of the incorrectness of the policy of restricting the rights of Jews. The plans for the resettlement of Jews from Russia to America or Palestine looked utopian for him. The journalist wrote about the historical inevitability of the joint residence of Russians and Jews within the framework of one state. Therefore, Jews should be perceived as Russian subjects. The persistence of the inequality of subjects inflicted damage on state unity. The first step in integrating Jews into Russian society is M. Katkov called for the abolition of all discriminatory measures.

The author draws attention to the views of V. Meshchersky, who saw the essence of the Jewish question not only in the religious, cultural alienation of Jews from all Russian, but primarily in Jewish dominance in all areas of Russian life, the cause of which was the decline and decay of Russian society itself.

In the works of V. Meshchersky and in "Citizen" in the 1880s. Jews firmly took the place of the main internal enemy. Now they were seen as the main vehicles of the harmful influence of the West and carriers of the ideas of liberalism and nihilism that penetrated from there. The publicist considered the main opponent of the Russian state not the Jewish people, but the Jewish intelligentsia.

The article emphasizes the striking difference in tonality in the discussion of the Jewish question by V. Meshchersky from consideration of other national problems that could be the subject of the state's internal policy, solved by administrative methods. The conservative presented Jewish expansion as a global problem, demonstrating the similarity of the development of processes in different countries.

In conclusion, the author concludes that there are serious differences in the positions of two prominent representatives of Russian conservatism in the second half of the 19th century with respect to the whole complex of ethnic, religious, socio-political and economic problems of Russian society that made up the essence of the "Jewish question".

REFERENCES

1. Katkov, M.N. (1897a) *Peredovye stat'i iz Moskovskikh Vedomostey za 1864 g.* [Leading articles from Moskovskie Vedomosti for 1864]. Moscow: Izd. S.P. Katkovoy.
2. Katkov, M.N. (1897b) *Peredovye stat'i iz Moskovskikh Vedomostey za 1865 g.* [Leading articles from Moskovskie Vedomosti for 1865]. Moscow: Izd. S.P. Katkovoy.
3. Katkov, M.N. (1897c) *Peredovye stat'i iz Moskovskikh Vedomostey za 1873 g.* [Leading articles from Moskovskie Vedomosti for 1873]. Moscow: Izd. S.P. Katkovoy.
4. Katkov, M.N. (1898a) *Peredovye stat'i iz Moskovskikh Vedomostey za 1882 g.* [Leading articles from Moskovskie Vedomosti for 1882]. Moscow: Izd. S.P. Katkovoy.
5. Katkov, M.N. (1898b) *Peredovye stat'i iz Moskovskikh Vedomostey za 1881 g.* [Leading articles from Moskovskie Vedomosti for 1881]. Moscow: Izd. S.P. Katkovoy.
6. Meshcherskiy, V.P. (1886) Pis'mo izdatel'yu "Novogo vremeni" o evreyakh [A letter about Jews to the publisher of "Novoye Vremya"]. *Grazhdanin*. 5th June. pp. 2–4.
7. Meshcherskiy, V.P. (1888) Razgovor s zhidom [A conversation with a Jew]. *Grazhdanin*. 26th July. p. 1.
8. Meshcherskiy, V.P. (1894) Dnevnik [Diary]. *Grazhdanin*.
9. Meshcherskiy, V.P. (1892) Dnevnik [Diary]. *Grazhdanin*.
10. Meshcherskiy, V.P. (1897) Dnevnik [Diary]. *Grazhdanin*.